

Воспоминания Чу Яня дышали могильным холодом.

Перед глазами стояла жуткая картина: юноша, прижатый к земле неведомой силой, тщетно силился подняться. Его горло — то ли от горя, то ли от ярости — перехватило спазмом, и он не мог издать ни звука. Лишь по отчаянному движению губ можно было разобрать безмолвный, истошный крик:

«Отец, не надо!»

Странные руны, похожие на живую ткань, заставили Цзюнь Жухэна пережить чужую драму как собственную. Безмолвный плач Чу Яня отзывался в нем ледяной дрожью. Отчаяние и глухая злоба ледяными иглами вонзились в душу. Тело сковал неописуемый холод, заскользивший змеей по жилам.

Цзюнь Жухэн невольно вздрогнул.

Напротив стоял мужчина с искаженным лицом, из горла которого вырывалось хриплое клототание. Если догадка верна, это был отец Чу Яня — принц Янь, Чу Линьйю. Его держали силой, и, судя по всему, он был тяжело ранен. Но по-настоящему жутко становилось от другого: шею принца обвивал змеиный хвост толщиной в запястье, тускло отливающий чешуей в бледном свете луны.

Цзюнь Жухэн мгновенно вспомнил деву-змею, которую видел на городских стенах Цзичжоу.

— Твоя бывшая доброта обернулась против тебя самого. Я знаю, ты давно мечтал его прикончить, — раздался вкрадчивый мужской голос. — И вот он, твой шанс.

Голос звучал на редкость мерзко: сквозь резкие, пронзительные интонации пробивалось шипение, будто говорящий то и дело выпускал змеиный язык.

Тень скользнула ближе, и Цзюнь Жухэна словно громом поразило — кровь застыла в жилах.

Перед принцем стоял он сам.

Двойник с мрачным, отсутствующим лицом подошел к оцепеневшему от ужаса Чу Линьйю. Растопырив пальцы, он мертвой хваткой вцепился в макушку несчастного.

В ладони лже-Цзюнь Жухэна сооткалось призрачное сияние. Стоило ему сжать кулак, как Чу Линьйю безжизненно повалился на землю.

— Отец! — истошно закричал наконец Чу Янь. Его голос сорвался на хрип, полный невыносимой боли.

Двойник медленно повернул голову. За этим безмолвным взглядом угадывался оскал свирепого зверя, готового разорвать плоть. От этого леденящего взгляда Чу Янь замер, не смея пошевелиться.

Змеехвостый человек подполз ближе и, сузив вертикальные зрачки, принялся разглядывать бездыханное тело принца.

Внезапно поднялся яростный вихрь, взметнув тучи пыли и песка. Когда буря утихла, распластанное на земле тело Чу Линьюя исчезло, но перед испуганным юношей вырос человек с точно таким же лицом.

Однако заговорил он чужим, сиплым голосом змеехвостого чудовища:

— Не плачь, сын мой. Помнится, я обещал навестить тебя в столице на Новый год. И вот я здесь, так почему же ты не улыбаешься?

Чу Яню было не до улыбок. Дрожа всем телом, он с трудом выдавил:

— Откуда тебе известно, о чем мы писали друг другу в письмах?

Самозванец неловко переминался с ноги на ногу — его тело было искривлено в странной позе, словно он еще не привык к человеческим конечностям после змеиного хвоста.

Наклонившись, монстр заботливо стер слезы с лица юноши.

— Мы так долго переписывались, а ведь я впервые вижу твое лицо. Не бойся, дитя мое. Твоему отцу пришел срок уйти, но теперь о тебе позабочусь я.

Чу Янь долгие годы томился в столице заложником. С отцом они виделись редко, мельком замечая друг друга на дворцовых приемах. Письма были их единственной связующей нитью.

Через чужую духовную связь Цзюнь Жухэн чувствовал, что Чу Яня давно томили смутные подозрения. Дети, лишённые родительского тепла, всегда чутки к мелочам. В какой-то момент сквозь строчки писем проступило нечто чуждое. Отец перестал быть прежним.

Чу Янь гнал от себя эти мысли, списывая перемены на неумолимый бег времени. Он верил: если вести себя безупречно, отец останется прежним — строгим, но любящим.

Но теперь, когда тварь в чужом обличье раскрыла карты, знакомое лицо больше не дарило тепла. Нутро Чу Яня сковал леденящий ужас, подступивший тошнотой к горлу.

Глядя на скорчившегося юношу, лже-Чу Линьюй мгновенно сбросил маску родительской нежности. Он бесцеремонно схватил Чу Яня за подбородок и указал в сторону:

— Видишь ту духовную птицу? Ты преподнесешь ее наследному принцу под предлогом исцеления его недуга.

Чу Янь вздрогнул и попытался вырваться, но хватка лишь сильнее сжала челюсть. Голос лже-отца стал ледяным:

— Твой отец лишь лишился души, но искра жизни в нем еще теплится. Будешь послушным — и вы еще встретитесь.

— Кто... кто ты такой? — задыхаясь от ужаса, процедил сквозь зубы Чу Янь.

Самозванец издевательски расхохотался:

— Надо же. Семья принца Яня веками истребляла обитателей духовного мира, а ты до сих пор не можешь отличить человека от духа?

Чу Янь потрясенно уставился на него и бессильно опустил на колени, лишившись дара речи.

Стоявший поодаль лже-Цзюнь Жухэн лишь брезгливо поморщился. Заметив это, фальшивый Чу Линьюй сорвался на злобный рык, обнажая истинное нутро злобного духа:

— Предупреждаю: не забывай, кто ты такой. Месть я тебе обеспечил, а вот забрать недостающую часть души ты должен сам. Если не попытаешь у этого хилого наследника то, что мне нужно, клянусь — твоя участь будет куда завиднее, чем у этого покойника.

Эта сцена происходила во время Праздника середины осени. С холодного неба лился призрачный свет, оседая на черепичных крышах усадьбы бледным саваном. В кронах деревьев заунывно кричала сова, завывал ветер. Безмолвие ночи дышало первобытным кошмаром.

Цзюнь Жухэн сглотнул. В висках бешено застучал пульс.

«Что за чертовщина? Выходит, я вовсе не безвестная жертва, а подсланный шпион, которого заслали к Чу Яо ради таинственной Драконьей жилы? Теперь понятно, почему Чу Янь исходил бешеной злобой и при любой возможности пытался сжить меня со свету»

Мысли заметались в голове Цзюнь Жухэна.

«Если я шпион, то почему прежний владелец этого тела сразу же выдал себя неудачным

покушением? И почему у меня самого нет ни единого воспоминания об этой роковой встрече? И наконец, если самозванец хотел выведать тайну Драконьей жилы моими руками, зачем нужно было затевать преждевременный мятеж в Цзичжоу?»

Если первые две загадки еще можно списать на расколотую душу и провалы в памяти, то поспешное восстание принца Яня выглядело полнейшей нелепицей.

Впрочем, размышлять об этом было некогда. Цзюнь Жухэна осенило.

«Получается, я, засланный агент, по прибытии умудрился перепутать все карты и собственноручно разгромить собственное гнездо? Попал так попал — хуже не придумаешь»

Но как бы плохи ни были дела, задачу никто не отменял. Помня о заветной «Драконьей жиле», он продолжил искать зацепки.

В крошечной тьме он задел рукавом какую-то вещь. Та с глухим стуком упала на пол. Наклонившись, Цзюнь Жухэн при слабом свете луны разглядел старый фолиант. На обложке красовалось название: «Записи Минхая».

«К северу от края земли раскинулась дамба Иньшань, имя ей — море Минхай...» — всплыли в памяти скупые строки древних трактатов.

Цзюнь Жухэн напрягся, намереваясь перелистнуть страницу, но в этот момент у двери послышался шорох.

Сердце ушло в пятки. Бежать было поздно.

Цзян Ли пробирался в темноте, не зажигая свечей и ступая бесшумно. Окружающий мрак его не пугал: он бывал в кабинете наследного принца сотни раз и знал расположение каждого предмета. Но стоило ему подойти к письменному столу, как чуткие пальцы сразу уловили неладное — вещи лежали не на своих местах.

Юноша мгновенно насторожился.

Прошедший суровую школу телохранителей, молодой воин привык полагаться на слух. Прикрыв глаза, он замер, улавливая малейшие вибрации воздуха. Вдруг веки его распахнулись — взгляд, острый как у сапсана, вонзился в узкий простенок за резным шкафом-богуцзя.

Шаги приближались. У Цзюнь Жухэна от страха перехватило дыхание.

Цзян Ли наступал осторожно, словно шел по тонкому весеннему льду. Ладонь уже легла на бронзовую рукоять клинка. Легкая занавесь колыхнулась без ветра. Сквозь тонкую шелковую

ткань воин уловил прерывистый вздох чужака. Он сжал эфес, а свободную руку медленно протянул к портьеру...

Резкий взмах, высвободивший смертоносную ауру — но за занавеской никого не оказалось.

Обратившись в маленькую птицу, Цзюнь Жухэн испуганно сжался на металлическом карнизе и беззвучно перевел дух.

Сверху ему было прекрасно видно все происходящее. И то, что предпринял немой страж, заставило его невольно удивиться.

Цзян Ли убрал оружие и без лишних колебаний подошел к шкафу. Ощупав пальцами резное основание, он нажал на скрытый выступ. Раздался негромкий щелчок, и из монолитного дерева выдвинулся потайной ящичек.

Теперь даже слепцу стало бы ясно: немой слуга пробрался сюда с теми же намерениями, что и сам Цзюнь Жухэн.

Достав из тайника пачку писем, Цзян Ли зажег кресало и принялся внимательно, строчка за строчкой, вчитываться в текст.

Перламутровый крючок, за который цеплялся Цзюнь Жухэн, был скользким. Крохотные лапки быстро затекли, но многолетний опыт выживания помог превозмочь усталость.

Выждав момент, когда страж увлекся чтением, Цзюнь Жухэн попытался бесшумно переступить с ноги на ногу. Но в этот миг яркая вспышка света у входа заставила его замереть.

В дверях показался силуэт.

Сердце Цзюнь Жухэна совершило кульбит и оборвалось.

Цзян Ли так и не заметил слежки, потому что в кабинет вошел Чу Яо.

— Что ты здесь делаешь?

На лице немого воина на мгновение промелькнуло замешательство, но он тут же взял себя в руки:

— Господин Хуан из Цензората настойчиво требует материалы дела о заговоре принца Яня. Я пришел забрать свитки.

Чу Яо молча кивнул, не выказав подозрений.

За секунду до появления хозяина Цзян Ли успел вернуть письма на место и задвинуть панель, однако зоркий взгляд Цзюнь Жухэна подметил деталь: шнурок от личного жетона стража защемило краем потайной дверцы.

— Из Цензората так торопят... Не связано ли это с побегом моего августейшего дяди? — негромко спросил Чу Яо, коснувшись аккуратно сложенных бумаг.

— О делах в землях принца Яня лучше всех осведомлены императорские стражи Цзиньивэй, — уклончиво ответил Цзян Ли. — До меня слухи еще не доходили.

— Вот как? — многозначительно протянул Чу Яо. — Тебе, как доверенному лицу при дворе, следовало бы узнавать новости раньше сыщиков.

Цзян Ли входил в число восемнадцати теневых стражей Тяньган и подчинялся напрямую императору. Однако уже много лет он неотлучно сопровождал наследника, и его присутствие в личных покоях государя выглядело неуместным.

Слова Чу Яо заставили Цзюнь Жухэна насторожиться.

Телохранитель на миг изменился в лице, но Чу Яо не стал развивать тему. Он раскрыл свиток на странице, где хранилась духовная суть Чу Яня. Коснувшись тончайшего, словно крыло бабочки, слепка, принц тихо вздохнул.

Цзюнь Жухэн на своем насесте едва не потерял баланс.

— Мое мастерство оставляет желать лучшего, — с горечью произнес принц. — Этот талисман духовной сути хоть и завершен, но скрывает свои тайны от непосвященных. Мне так и не удалось добыть неопровержимые улики против заговорщиков. Я снова разочаровал отца.

Цзюнь Жухэн уцепился за карниз крепче. Жалость к Чу Яо мягкой волной затопила сердце.

Наследник с малых лет нес на плечах непосильное бремя ожиданий и чужих грехов, оттого и дорожил каждым одобрительным словом. Вспомнив, как Чу Яо переменялся в лице при упоминании Драконьей жилы, Цзюнь Жухэн понял: за этим крылась уязвленная гордость. Принц просто боялся, что его вновь сочтут вестником несчастий.

Остатки обиды растаяли без следа.

Немного помедлив, Цзян Ли негромко произнес:

— Ваше Высочество, если вам дороги чувства императора, в некоторых вещах лучше уступить.

Чу Яо поднял взор. Страж поспешно отвел глаза и добавил:

— Я говорю о духовной птице.

Принц задумчиво вертел в руках зеркальце из темного стекла. Его пальцы скользили по гладкой раме, нежно оглаживая стыки.

Цзюнь Жухэну вдруг показалось, что эти движения ему до боли знакомы. По спине пробежала приятная щекотка, отзывавшаяся теплом между лопатками.

— Ты преданно служишь мне много лет, Цзян Ли. Видел ли ты хоть раз, чтобы я проявлял такое упрямство? — спросил Чу Яо, и глаза его за стеклами очков блеснули мягким светом. — Но он... Он стал первым, ради кого я готов на все.

В груди Цзюнь Жухэна словно рассыпался сноп искр. Душа горела ярким пламенем. Нынешняя ночь превратилась для него в безумное чередование ледяной стужи и неистового жара.

Когда шаги смолкли и комната опустела, Цзюнь Жухэн бесшумно спланировал на пол. Убедившись, что кругом ни души, он вновь принял человеческий облик и бережно достал спрятанную книгу.

Страницы с загнутыми уголками хранили следы частых чтений.

Шевеля губами, он принялся вполголоса разбирать древние иероглифы:

— Предание гласит: три души птицы Бифан чисты и безвинны. Тот, кто заключит с ней священный союз, исцелится от любого яда, избавится от злых чар и сможет...

Цзюнь Жухэн ошеломленно замер.

<http://bllate.org/book/18274/1750184>